
УДК 94 (47+57)
ББК 63.3 (2)614
Ш 36

Ф.Х. Шебзухова,

кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, историографии, теории и методологии истории Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 8-903-465-19-43;

И.И. Ващенко,

аспирант Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел. 8-918-220-46-01

**Политика советской власти
по отношению к кулачеству в 20-х гг. XX в.:
дискуссии в ЦК ВКП (б) и в обществе
(Рецензирована)**

Аннотация. В статье предпринимается попытка рассмотрения понятия «кулак», анализируется ход дискуссий в обществе и в партии по данной проблеме, в связи с чем исследуются альтернативные варианты решения кулацкой проблемы.

Ключевые слова: кулак, середняк, бедняк, раскулачивание, НЭП, стратегия, дискуссия, коллективизация, психологические критерии, И.В. Сталин, В.И. Ленин, Н.И. Бухарин.

F.Kh. Shebzukhova,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of National History, Historiography, Theory and Methodology of History, Adyghe State University, Maikop, ph. 8-903-465-19-43;

I.I. Vashchenko,

Post-graduate student of the Adyghe State University, Maikop, ph. 8-918-220-46-01

**Policy of the Soviet power
in relation to the kulaks in the 1920s: discussions
in VKP (b) Central Committee and in society**

Abstract. In the paper, an attempt is undertaken to consider the concept of “the kulak” and to make an analysis of the course of discussions in society and in party on this problem. In this connection the alternative versions of the solution of the kulak problem are investigated.

Keywords: the kulak, peasant of average means, poor peasant, dispossession of the kulaks, New Economic Policy, strategy, discussion, collectivization, psychological criteria, I.V. Stalin, V.I. Lenin, N.I. Bukharin.

Тема раскулачивания — одна из трагичных сторон коллективизации. Длительное время единства в историческом сообществе по поводу этой проблемы не было. Уже с начала 90-х годов с открытием архивов происходит всплеск интереса исследователей к этой проблеме. Здесь можно выделить статью историка Н.А. Солопова «Кого

считали кулаком в 20-е годы?» [1]. В ней он стремится разобраться во взаимосвязях тех сложных процессов, которые происходили в деревне под влиянием политики партии в 20-30-е годы.

Сложность вопроса состояла в том, что в деревне не так отчетливо и ясно, как в городе, проявлялись классовые признаки. В деревенской действительности

«чистые» пролетарии, как и «чистые» буржуа, встречались довольно редко. Но если сельских пролетариев можно было определить по отсутствию у них единоличного крестьянского хозяйства, то разграничение середняков и деревенской буржуазии без определённых критериев было существенно затруднено. Центральные партийные и советские органы, большие надежды на получение информации, отражающей деревенскую действительность, возлагали на сельские Советы и партийные ячейки. Но в действительности ввиду недостаточного культурного уровня и практического опыта у местных работников, центр не получал необходимых объективных сведений.

В этих условиях существенным дополнением к сухим статистическим сведениям для определения различных классовых групп в деревне могли быть использованы письма, корреспонденция, статьи самих крестьян, широко публиковавшиеся в то время в периодической печати.

В.И. Ленин, один из теоретиков кооперативного строительства, активно использовал различную информацию при подготовке законопроектов. В январе 1922 года он обратился в редакцию газеты «Беднота» с просьбой предоставлять ему каждые два месяца сводки крестьянских писем, поступающих в редакцию [2]. Просьба была выполнена. В последующем он регулярно получал интересующие его материалы и внимательно их изучал [3]. После смерти Ленина СНК СССР 17 апреля 1924 года предложил редакции «Бедноты» присылать ему такие же сводки. Тогда же на страницах «Бедноты» развернулась интереснейшая дискуссия на тему «Кого считать кулаком, кого — тружеником? Что говорят об этом крестьяне?». Начало ей положило опубликование на страницах «Бедноты» письма крестьянина Вятской губернии Г.Смердова, в котором автор спрашивал: «Можно ли считать буржуем крестьянина, имеющего от 2 до 4-х коров, 2-3 лошади и приличный дом? Можно ли считать буржуем и кулаком арендатора мельницы, если он ведёт дело

честно и по советским законам? Можно ли считать кулаком бедного человека, который на гроши торгует исключительно для того, чтобы не умереть с голоду?» [4].

Интерес к дискуссии оказался большим, чем ожидали её организаторы. За три месяца практически из всех регионов страны в редакцию поступило около трёхсот писем. Подавляющее большинство участников дискуссии считали недостаточным и неверным определять принадлежность к кулачеству только лишь по имущественному признаку. В таком подходе они видели угрозу крестьянскому стимулу для подъёма личного хозяйства за счёт силы воли и энергии, своей ненасытной жажды труда.

Жизненный опыт и политическое видение проблемы подсказывали крестьянам правильное решение вопроса: «Не тот кулак, кто честно трудится и улучшает хозяйство для восстановления разрушенной страны приобретением лишней головы скота и тому подобное, а кулак тот, кто и до настоящего времени не может примириться с рабоче-крестьянским правительством, щипя из-за угла власть и оплакивая сладкие николаевские булки...» [5].

Уделяя основное внимание характеристике кулака, корреспонденты не забывали и о второй части вопроса: кого считать тружеником. Показательно в этом отношении одно из писем, в котором говорится, что крестьянское хозяйство с хорошим домом, несколькими коровами и лошадьми, нажитое упорным трудом в области земледелия, с применением агрономии, необходимо считать трудовым. Кроме того, по словам автора, если даже такое хозяйство использует труд безработного в пределах «Кодекса о труде», — «то этот крестьянин должен считаться первым гражданином Советской республики, и, наоборот, всякий бедняк, бедность которого будет доказана — происходит от ленности, разгильдяйства, пьянки и так далее, должен считаться врагом советской страны и позором своей деревни» [6].

И действительно, несмотря на условное существование кулаков, середняков, и бедняков, в деревне существовала

и обширная прослойка всякого рода пьяниц и разгильдяев, которых можно было отнести к люмпен-крестьянам. Конечно, деревенское сообщество знало, кого относить к кулакам, но зачастую боялось открыто выступать против кулака. Нередко кулак был самым грамотным и образованным человеком на деревне, давал советы односельчанам, помогал материально и т.д.

Дискуссия была продолжена на XIII съезде РКП (б), состоявшемся 23-31 мая 1924 года в Москве. Крестьяне большие надежды возлагали на этот съезд. На съезде с основным докладом, посвященным работе в деревне, выступил М.И. Калинин. Он обратил внимание на дискуссию в журнале «Беднота», согласился с мнением крестьян по поводу кулака. Задачи кооперации в области социалистического строительства в деревне видел не только с экономических позиций, но и понимал её важную роль в решении социальных вопросов, изменении крестьянского быта, психологии и взаимоотношений различных слоёв сельского населения между собой [7].

Не отрицая возможности применения административных мер со стороны рабоче-крестьянского правительства «против крупных ростовщиков, мародёров и хищников, занимающихся разорением крестьянства, Калинин считал, что «нельзя и вредно думать, будто переустроить деревню на социалистический лад можно административными методами» [8]. К сожалению, на практике именно административные методы воздействия на крестьянство стали основными во второй половине 20-х годов.

Интересным представляется восприятие понятия «кулак» Н.И. Бухариным, который, проанализировав сложившееся положение в деревне, предложил конкретные меры в отношении кулака. Они сводились, во-первых, к усилению налогообложения в отношении кулака, во-вторых, к борьбе с куплей и продажей земли, сокращением сроков аренды и т.д. В области политической важнейшим ограничением считал лишение кулака права голоса

в земельных обществах [9]. Однако его голос не был услышан и впоследствии его обвинили в антисоветской деятельности и исключили из партии.

Крупный историк-крестьяновед В.П. Данилов, исследовав внутрипартийную борьбу конца 1920-х годов, обратил внимание на два обстоятельства. Во-первых, крайнее обострение идейно-политических противоречий в высших эшелонах власти и сталинские способы их «решения» посредством политического, а затем и физического уничтожения любых оппозиций, всех несогласных. Во-вторых, содержательность споров того времени: они велись по действительно важным вопросам и участвовали в них сильные, подлинно талантливые люди, выдвигавшие новые и смелые идеи, находившие убедительные аргументы [10].

В середине 1920-х годов разгорелись серьёзные дискуссии о судьбе НЭПа и как следствие — пути развития сельского хозяйства и стратегия во взаимоотношениях с кулачеством. Соответственно в партии условно обозначились две группировки: сторонников мирных взаимоотношений с кулачеством и партийцев, отстаивавших репрессивные меры по отношению к кулаку. К первым можно отнести М.И. Фрумкина, Н.И. Бухарина, М.П. Томского, Г.Е. Зиновьева, ко вторым — В.М. Молотова, А.А. Андреева, Л.М. Кагановича, И.В. Сталина.

Переломным моментом в дискуссии о судьбе кулачества явилось письмо заместителя наркома по внешней торговле М.И. Фрумкина, направленное всем членам и кандидатам Политбюро 15 июня 1928г. Критикуя слишком жёсткие действия отдельных партийных деятелей и, в частности, В.М. Молотова, направленные против кулака и середняка во время хлебозаготовок, он предложил своё решение кулацкой проблемы. «Мы должны бороться с кулаком путём снижения его накоплений, путём увеличения налогов, путём освобождения из-под его экономического влияния середняков и бедноты, мы не должны поддерживать его нашими скудными кредитами, но не должны

«раскулачивать», доколачивать его хозяйство, его производство, в течение ряда лет ещё нужное нам» [11]. Фрумкин предлагал сугубо экономические меры.

В.М. Молотов выступил с ответным письмом, в котором утверждалось, что вся вина по поводу хлебозаготовок ложится не на партийный актив, а на самих кулаков, которые использовали кризис хлебозаготовок в своих целях и настроили середняка против сдачи хлеба. Он полагал, что: ...»Только решительные меры против кулачества дадут понять и середнякам, имеющим хлеб, необходимость строгого выполнения обязанностей перед государством, устранят иллюзии о возможности спекулятивного вздутия цен и вообще будут способствовать поднятию авторитета советских органов в деревне» [12]. Таким образом, Молотов предлагал меры внеэкономического принуждения — насилие и террор.

Главным идеологом чрезвычайных мер против крестьянства был И.В. Сталин. Он поддерживал точку зрения Молотова, хотя на данном этапе он считал более целесообразным применение не только политики «кнута», но и «пряника». На июльском 1928г. пленуме ЦК ВКП (б) он отмечал: «Чрезвычайные меры необходимы и целесообразны при известных, чрезвычайных условиях, когда нет у нас в наличии других мер для маневрирования. Чрезвычайные меры не нужны и вредны при других условиях, когда мы имеем в наличии другие, гибкие меры для маневрирования на рынке ... Но не правы и те, которые думают, что чрезвычайные меры всегда необходимы и целесообразны» [13].

По мнению историка А.С. Левакина, истинную причину кризиса сельского хозяйства Сталин не называл, ибо ею выступала коллективизация, (и в целом аграрная политика государства в данное время), целесообразность которой «вождь» не ставил под сомнение. Левакин считал, что руководству необходимо было найти такое объяснение негативных последствий коллективизации и организационно-хозяйственной

слабости колхозной системы, которое бы склонило общественное мнение на его сторону и позволило с ещё большей интенсивностью осуществлять «колхозное строительство». Он полагал, что «в наибольшей мере поставленным задачам отвечала сталинская теория обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму, в рамках которой неудачи колхозной системы объяснялись происками многочисленных «врагов», и в особенности антисоветской вредительской деятельностью «сельской буржуазии»- кулаков» [14].

Необходимо отметить, что дискуссии о дальнейшем развитии страны, и в частности, сельского хозяйства совпали с ожесточённой борьбой за власть в Политбюро ЦК ВКП (б). Каждая из противоборствующих сторон не хотела прислушаться к другой, что не могло не сказаться на судьбе НЭПа.

Группа Н.И. Бухарина, А.И. Рыкова, М.П. Томского предложила свою программу выхода из кризиса. В частности М. Томский, выступая с большой речью на июльском 1928 г. Пленуме ЦК ВКП (б), доказывал, что «индустриализация проводится не совместными усилиями рабочего класса и крестьянства, а лишь за счёт крестьянства... Он считал, что обеспечение союза рабочего класса с крестьянством может быть достигнуто «путём постоянных, известного рода, уступок», с учётом колебаний крестьянства то в сторону пролетариата, то в сторону кулаков» [15]. Проводя аналогию с 1921г., Томский полагал, что такая же ситуация сложилась и в 1928г., когда ошибки И. Сталина в руководстве страной ослабили союз с середняком и толкнули его в сторону кулака.

Г.Е. Зиновьев был партийным деятелем не сильно разбиравшимся в хозяйственных вопросах, он скорее был душой и идеологом «правой оппозиции», но тем не менее имел своё мнение по поводу кулака. На XIV съезде ВКП (б) он представил свои тезисы, которые в корне отличались от генеральной линии партии. Он предлагал продолжать политику нэпа, «призывал к ускоренной индустриализации,

но за счёт большего обложения налогом частного и кулака» [16]. На этом же съезде он выдвинул малопонятный лозунг «работать больше и получать меньше, но в меру необходимости».

Н.И. Бухарин на протяжении всех 1920-х годов являлся последовательным сторонником ущемления зажиточных слоёв деревни экономическими способами. Он был уверен, что «против деревенского ростовщика, который даёт займы деньги за безбожный процент или который сдаёт внаём свою лошадь безлошадному крестьянину на кабальных условиях, мы должны выдвинуть в первую голову батарею наших кредитных товариществ, хорошую организацию дешёвого кооперативного кредита и помощи со стороны государственной власти. ... «Вот эти орудия должны мы выставить на передовые позиции нашей борьбы с эксплуататорскими элементами деревни» [17]. Будучи последователем кооперативного плана В.И. Ленина, он считал недопустимым форсированную коллективизацию сельского хозяйства и предостерегал о негативных последствиях Политбюро.

Анализируя уроки хлебозаготовок и «шахтинское дело» 1928г., он делает важные комментарии по разным вопросам. Оценивая политику чрезвычайных мер во время хлебозаготовок, он беспощадно её критикует. Он полагал, что «с точки зрения политического существа эти перегибы можно определить как мероприятия, которые ударяли не только по кулаку, но и по середняку и которые часто являлись сползанием на рельсы продрозвёрстки» [18].

Иную точку зрения на отношения с кулаком имел ближайший сподвижник И.В. Сталина в те годы Л.М. Каганович. Он был одним из немногих партийных деятелей, которые не меняли свою позицию под воздействием политической конъюнктуры, поэтому его воспоминания очень ценны для исследователей. Оценивая высказывания Бухарина «о вращении кулака в социализм», он считал, что «правая оппозиция» во главе с Бухариным, Рыковым, Томским ведёт страну не к социализму, а к капитализму [19]. Он поддерживал

точку зрения Сталина по поводу насильственных действий по отношению к кулаку, и выступал за ускоренное развитие тяжёлой промышленности в ущерб сельскому хозяйству.

А. А. Андреев, секретарь Северо-Кавказского крайкома партии в 1927-1930гг., выступал за изоляцию кулацких хозяйств. В начале 1920-х гг. точка зрения Андреева совпадала с мнением Н. Бухарина, что только «кооперация должна быть важным орудием, высвобождающим бедняков и середняков от кулацкой кабалы» [20]. Но уже в конце 1920-х она претерпевает изменение, во многом из-за борьбы за власть в Политбюро ЦК ВКП (б). Совершая поездки по Кубани, он обратил внимание на забитость бедняцко-середняцкой массы. Комментируя отставание края в хлебозаготовках, он считал, что «необходимы более энергичные меры в отношении кулацких хозяйств, добиваться изоляции кулака, но в то же время учитывая особенности национальных областей» [21].

В 1929 году по мере развития колхозного движения и широкого применения чрезвычайных мер правительство принимает ряд постановлений, призванных на законодательном уровне ограничить влияние кулачества: 20 февраля 1929 года «О порядке применения кодекса законов о труде в кулацких хозяйствах» и от 21 мая 1929 года «О признаках кулацких хозяйств, в которых должен применяться кодекс законов о труде». Второе постановление относилось к кулацким все крестьянские хозяйства, обладавшие одним из следующих пяти признаков: а) применение систематического наёмного труда; б) наличие мельниц, маслобоен, крупорушек, других промышленных предприятий; в) систематическая сдача внаём сложного сельскохозяйственного инвентаря; г) сдача внаём помещений; д) наличие членов хозяйства, занимающихся торговлей, ростовщичеством или имеющих другие нетрудовые доходы [22]. Фактически под эти признаки попадали не только кулаки, но и середняки.

К лету кулаки были изгнаны из всех деревенских общественных

организаций — земельных обществ, Советов, кооперативов. Ноябрьский (1929 года) Пленум ЦК ВКП (б) принял окончательное решение о недопущении их в колхозы. Были усилены административные меры воздействия, применяемые к саботажникам: невыполнение твёрдых заданий влекло за собой штраф в пятикратном размере стоимости причитающегося хлеба. Чрезвычайные меры фактически стали перерастать в ликвидацию значительной части кулацких хозяйств. Журнал «Большевик» сообщает о многочисленных случаях применения «психологических критериев» при оценке кулаков, разделение их на «плохих» и «хороших», когда выносились такие, например, решения: «...Если богатый, но хорошо относится к совет-

ской власти — можно считать как бы середняком» [23].

Казалось, был развязан «гордиев узел», так долго волновавший крестьян. Но надежды крестьян оказались напрасными. Фактически трудно было определить, где заканчиваются трудовые хозяйства и начинают проявляться эксплуататорские тенденции. Поэтому эти документы можно рассматривать как теоретическое подкрепление начавшейся позднее кампании по раскулачиванию, в которую стали попадать и середняки.

Таким образом, в вопросе о политике по отношению к кулачеству восторжествовала группа членов Политбюро во главе с И.В. Сталиным. И начинается кампания подготовительных мер к окончательной ликвидации кулачества как класса.

Примечания:

1. Солопов А.Н. Кого считали кулаком в 20-е годы // Вопросы истории КПСС. 1990. №10. С. 60.
2. Ленин В.И. Биографическая хроника // Ленин В.И. Полн. собр. соч.: в 55 т. Т. 12. С. 144, 157.
3. Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого — тружеником. Что говорят об этом крестьяне? М., 1924. С. 92.
4. Там же. С. 94.
5. Там же. С. 49.
6. Там же. С. 27.
7. Тринадцатый съезд РКП (б). Май 1924 года. Стенографический отчёт. М., 1963. С. 442-444.
8. Там же. С. 443.
9. Документы свидетельствуют. Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации 1927-1932 гг. М., 1989. С. 85-86.
10. Данилов В.П. «Бухаринская альтернатива» // Бухарин: человек, политик, учёный. М., 1990. С. 85.
11. Письмо М.И. Фрумкина в Политбюро ЦК ВКП (б) // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы: в 5 т. Т. 1. Май 1927-ноябрь 1929 гг. / под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999. С. 293.
12. Ответ В.М. Молотова на письмо М.И. Фрумкина // Трагедия советской деревни... С. 299.
13. Из выступлений И.В. Сталина, Н.И. Бухарина и В.М. Молотова на июльском пленуме ЦК ВКП (б) 9-10 июля 1928 г. // Трагедия советской деревни... С. 324.
14. Левакин А.С. «Кулаки» в административно-управленческом аппарате колхозов юга России 30-х годов XX века: мифы и реальность // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Ростов н/Д, 2009. №3. С. 43.
15. Горелов О.И. Цугцванг Михаила Томского. Штрихи к портрету. М., 2000. С. 197-198.
16. Васецкий Н.А. Г.Е. Зиновьев: (страницы политической биографии). М., 1989. С. 39.
17. Бухарин Н.И. Путь к социализму. Избранные произведения. Новосибирск, 1990. С. 53.
18. Там же. С. 276.
19. Каганович Л.М. Памятные записки. М., 1992. С. 413-414.
20. Андреев А.А. Воспоминания, письма. М., 1985. С. 149.
21. Там же. С. 172.
22. Документы свидетельствуют... С. 221-222.
23. Большевик. 1930. 15 янв.

References:

1. Solopov A.N. Who was considered to be a kulak in the 20ies // Issues of the CPSU History. 1990. No. 10. P. 60.
2. Lenin V.I. Biographic chronicle // Lenin V.I. Complete collection of works: in 55 v. V. 12. P. 144, 157.
3. A village during the New Economic Policy. Whom to consider a kulak, whom to be a toiler. What do the peasants tell about it? M., 1924. P. 92.
4. Ibidem. P. 94.
5. Ibidem. P. 49.
6. Ibidem. P. 27.
7. The thirteenth Congress of the RCP(b). May, 1924. A verbatim record. M., 1963. P. 442-444.
8. Ibidem. P. 443.
9. Documents testify. From the village history on the eve of and during collectivization of 1927-1932. M., 1989. P. 85-86.
10. Danilov V.P. «Bukharin's alternative» // Bukharin: a person, a politician, a scientist. M., 1990. P. 85.
11. M.I. Frumkin's letter to the Politburo of the CC of the VCP (b) // Tragedy of the Soviet village. Collectivization and dispossession of the kulaks. Documents and materials: in 5 v. V. 1. May 1927 — November, 1929 / ed. by V. Danilov, R. Manning, L.Viola. M., 1999. P. 293.
12. V. M. Molotov's answer to Frumkin's letter // Tragedy of the Soviet village ... P. 299.
13. From speeches of I.V. Stalin, N.I. Bukharin and V.M. Molotov on the July plenum of the CC of the VKP(b) on July 9-10, 1928 // Tragedy of the Soviet village ... P. 324.
14. Levakin A.S. «The kulaks» in the administrative and management personnel of the collective farms of the South of Russia of the 30es of the XX century: myths and reality // News of higher schools. The North Caucasus region. Social sciences. Rostov-on-Don, 2009. No. 3. P. 43.
15. Gorelov O.I. Zugzvang of Mikhail Tomsy. Sketches of the portrait. M., 2000. P. 197-198.
16. Vasetsky N.A., Zinovyev G.E.: (pages of political biography). M., 1989. P. 39.
17. Bukharin N.I. Way to socialism. Selected works. Novosibirsk, 1990. P. 53.
18. Ibidem. P. 276.
19. Kaganovich L.M. Memoranda. M., 1992. P. 413-414.
20. Andreev A.A. Memoirs, letters. M., 1985. P. 149.
21. Ibidem. P. 172.
22. Documents testify ... P. 221-222.
23. Bolshevik. 1930. January, 15.